

Западное Средневековье: отношение церкви к войне и формирование идеи Крестового похода

Религия и война играли первостепенную роль в жизни средневекового человека. Поэтому отношение католической церкви к вопросу войны должно представлять исключительный интерес для исследователя средневековой культуры Западной Европы. Два столетия истории средневековой Европы прошли под знаком противостояния Востока и Запада, христианства и ислама. Эпоха крестовых походов. Всем известна христианская заповедь «Не убий», однако же на протяжении двух столетий десятки тысяч людей отправлялись на Восток для того, чтобы убивать во имя веры. Как проходило формирование идеи Крестового похода?

Официально провозглашенной целью крестовых походов было освобождение Гроба Господня из рук неверных, многие современные историки видят причины в феодальной экспансии и стремлении папской церкви упрочить свою власть над светскими правителями. Завоевательные походы европейских рыцарей, направленные в Средиземноморский бассейн, не были событиями только военно-политического порядка, они были проявлением внутри- и межкультурных отношений. Состоялось семь больших походов, охвативших промежуток с 1096-го по 1270 гг., помимо которых имели место многочисленные менее значительные военные предприятия, как, например, крестьянский крестовый поход, детский крестовый поход, и все это, не считая постоянного потока паломников. На территории Палестины и Сирии крестоносцами были основаны четыре государства, а на территории Византии после взятия Константинополя в 1204 г. в ходе Четвертого крестового похода возникла Латинская империя.

Такое масштабное явление, как крестовые походы, имело собственную идеологию, которая оттачивалась в течение дли-

---

* *Андрей Олегович Карпенко* – аспирант 3 года обучения, УрГУ, философский факультет, кафедра этики, эстетики, теории и истории культуры (Екатеринбург).

тельного времени. Главной ее составляющей было представление о «Священной войне», которая должна была вестись в интересах христианской религии и церкви, и формирование которой началось задолго до 1096 г.

Общеизвестно, что одобрение войны несовместимо с текстом Нового Завета, однако налицо тот факт, что к эпохе Крестовых походов отношение церкви к войне заметно изменилось. Для христиан раннего времени война была недопустима. На заре своего появления христианство было, скорее, идеологией сопротивления римским властям и не стало еще государственной религией. Христиане отказывались служить в армии Римской империи по причине того, что их религия запрещала им воевать.

Отношение к войне нашло свое дальнейшее развитие в представлении о праведной и неправедной войнах, сформулированном такими христианскими теоретиками, как Августин Блаженный (354–430) и папа Григорий I (590–604). К этому времени христианство уже укрепилось в цивилизованном обществе на романизированном пространстве как господствующая религия. Вполне очевидно, что, тем не менее, в такое беспокойное для Европы время общество не могло обойтись без военных отрядов, и это поставило церковных авторов перед необходимостью скорректировать официальное отношение церкви к войне. Поэтому разрешены были боевые действия, направленные на защиту либо на возвращения отнятого имущества. Такие войны считались справедливыми, или праведными. Данное представление вполне устраивало общество, так как подавляющая часть более или менее существенных войн христианских феодалов представляли собой оборонительные действия. Также допускались войны в интересах христианской церкви, то есть направленные против еретиков и на обращение язычников. Авторитет Августина и Григория I, сумевшего лично организовать оборону Рима перед лицом нашествия лангобардов, обеспечил этой точке зрения каноническую силу. Об этом свидетельствует факт появления в христианском богослужении молитв об успешном исходе военных акций.

С падением Западной Римской империи церковь, за отсутствием сильной политической власти в христианском мире, взяла на себя многие государственные функции. Епископы заменили собой государственный аппарат, осуществляя задачи, которые разваливающийся западно-римский аппарат чиновников больше был не в состоянии исполнять, а только формирующиеся на обломках империи молодые государства были еще слишком слабы для этого. Именно Григорий I положил начало грядущему могуществу Римской церкви. Авторитет Григория был очень велик

в западных землях, его светская власть простиралась над всей Центральной Италией. При нем Рим окончательно превратился в город св. Петра, преемником которого он себя считал, обосновывая свое право на главенство в христианском мире. Григорий I добился подтверждения своего главенства в западной церкви от византийского императора Фоки.

Таким образом, по примеру Григория I перед угрозой нападения варварских племен духовенство зачастую берет на себя также и военные функции, выступая в качестве боевых командиров либо даже собственноручно берясь за оружие. При Карле Великом имперские епископы и аббаты, как вассалы короны, ведут в бой военные отряды своих округов. В оборонительных войнах против норманнов, венгров и арабов Северной Африки и Испании военизированное таким образом духовенство находило себе поле для внешней деятельности, а также использовало военную силу в борьбе со знатью и городами. Папа Иоанн X в 916 г. лично отправился в поход против сарацин, совершавших набеги на земли Папской области. Однако начало этой тенденции было положено еще при римских императорах, которые поставили на повестку дня освящение власти и привлекали Бога на помощь в военных конфликтах.

Оправдание военных действий нуждалось в подкреплении цитатами из Библии. В Священном Писании встречается ряд военных понятий, которые легко могут быть перенесены из символического поля в действительность. Одним из главных аргументов в стремлении побудить христианина взяться за оружие является фрагмент из Послания Павла к Ефессянам: «...Укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских... Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги... и паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие». Хотя интерпретация данного фрагмента более чем спорна, и есть достаточно оснований предполагать, что Павел ведет здесь речь о войне духовной. Прославление ветхозаветных воинов-героев, ведомых Господом, давало дополнительные точки опоры тем, кто искал нового соотношения между силой и религией.

Реформаторское папство XI в. во главе с Ключийским монастырем, наиболее яркими представителями которого стали Григорий VII (1073–1085) и Урбан II (1088–1099), взяло курс на упрочение духовной и политической власти римской церкви над западно-христианским миром. В соответствии с этой целью бы-

ло скорректировано и отношение к войне: теперь папством активно пропагандируется «Священная война» в интересах церкви. Высшей точкой этого процесса является намерение папы Григория VII оказать помощь Византии в 1074 г. в войне против турок-сельджуков. Григорий надеялся, что в результате успешного исхода этого предприятия благодарные византийцы признают верховенство римского престола. Однако этим планам не суждено было осуществиться.

Обращает внимание на себя то, что при обосновании войны в интересах церкви религиозные теоретики прибегают к понятиям, характеризующим феодальные вассально-ленные отношения. Христос становится небесным сеньором и господином, за которого христианские рыцари должны отдать свою жизнь. Такие формулы лучше соответствовали моральному кодексу мелкой знати, который являл собой представления о долге и кровной мести. Таким образом, феодализация военной идеологии быстро оказалась превосходным средством направить рыцарей под церковные знамена.

В X в. в Западной Европе получило распространение движение в поддержку «Божьего мира», которое также повлияло на развитие отношения средневекового общества к войне. В период феодальной раздробленности в Западной Европе царил обстановка междоусобиц и практически постоянного военного положения, от чего сильно страдали крестьяне и церковное землевладение. Поэтому различные соборы на уровне епископств принимали решения о временном прекращении боевых действий на определенной территории. Нарушители постановлений отлучались от церкви, либо против них другими феодалами с одобрения церкви предпринимались карательные экспедиции. Таким образом, «Божий мир», как и практика покаяния, становился эффективным орудием в руках папства для осуществления власти над феодалами и для избавления от особо неугодных личностей. Именно в период распространения движения за «Божий мир» под понятие «войска Христова» стали подпадать и воины, действовавшие в карательных экспедициях. Тем самым к тому же подчеркивался вассалитет «войска» по отношению к папству.

Урбан II налаживает отношения с Алексеем Комниным и восточными церквями, сумев заручиться их поддержкой в борьбе с антипапой, имевшим глупость осудить вступление в брак духовенства на Востоке. Между тем Византия получила, наконец, передышку для того, чтобы оправиться от Манцикерта: государство турок-сельджуков распалось на несколько соперничающих феодальных княжеств. В то же время политический режим в Византии стабилизировался после ряда мятежей и узур-

паторств 70 – 80-х гг XI в. Таким образом, ситуация в 1095 г. сложилась так, что стал возможен большой поход на Восток под руководством римской церкви в лице Урбана II. В ноябре 1095 г. в Клермоне (юг Франции) состоялся судьбоносный собор, результатом которого стала проповедь Урбана II, в которой он призвал христиан к походу на Восток. Урбан II объявил, что через него сам Господь просит и призывает христиан оказать помощь их единоверцам на Востоке, терпящим унижения со стороны «язычников», и изгнать «гнусное отродье из земель, населенными нашими братьями». Тем, кто, последовав призыву, потеряет жизнь во имя благой цели, в тот же час будут прощены все грехи. Папа пытается энергию охочих до драки обратить против мусульман: «Могли бы те, кто привык в личной вражде воевать против верующих, довести до победного конца войну, которая уже давно должна была начаться; кто был разбойником, мог бы стать солдатом», – говорит он в своей речи. Имущество отправившихся в Святую землю христиан в их отсутствие должно было поступить под опеку церкви, а по их возвращении – быть возвращено в целости и сохранности.

Формально Урбан II отреагировал на просьбу императора Византии оказать ему военную помощь. Византийская империя после поражения от турок-сельджуков в сражении при Манцикерте 1071 г. находилась в весьма тяжелом положении, практически утратив контроль над малоазийской половиной своей территории. Точно неизвестно, назван ли был Иерусалим как конечный пункт назначения крестового похода. Возможно, призыв Урбана был попросту реализацией плана, который вынашивал еще Григорий VII, хотевший распространить власть Рима и на территорию Византийской империи. Фактически же, по мнению исследователей, проповедь находилась в рамках развивавшейся в течение XI в. идеи «Священной войны», т. е. борьбы против язычников под руководством церкви и содержала все элементы, используемые для обоснования «Священной войны», и указывала цель разрозненным феодальным силам. Интересен уже сам выбор места проведения собора: южно-французские рыцари не встретили призыв неподготовленными, поскольку имели опыт борьбы с мусульманами в Испании. Несколько недель спустя после проповеди Урбана II волна расходящихся проповедей и призывов, это можно утверждать вполне точно, ориентировала крестоносцев на завоевание Святого Города, а Малая Азия фигурировала в качестве промежуточной стадии.

Скорее всего, проповедь Урбана не была спонтанным событием, и подготовка к ней началась заранее. Возможный провал призыва, по мнению исследователей, организаторами был

исключен. Урбан II, который с лета 1095 г. пребывал во Франции, не терял времени даром и активно зондировал почву, проводя совещания с епископами и встречаясь с влиятельными феодалами, и добился согласия ряда участвовавших в боях с мусульманами рыцарей.

Как сообщают свидетели, проповедь Урбана в Клермоне вызвала большое воодушевление. Речь папы постоянно прерывались криками: «Господь хочет этого!». Епископ города Ле-Пюи, один из ближайших сподвижников Урбана II, первым преклонил колена и испросил у папы позволения последовать призыву. Его поступок тем самым символизировал то, что крестовый поход совершается с санкции церкви и под ее руководством.

Крестоносное настроение распространялось быстро: призыву следовали в Испании, Шотландии, Дании, Фландрии и Италии. Движение приобрело такой размах, что вызвало беспокойство у высшего духовенства. Весьма возможно, что поход бедноты 1096 г. явился неожиданностью как для папы, так и для Алексея Комнина, не ожидавшего прибытия крестоносцев так рано, что способствовало охлаждению отношений Византии с Римом и вообще людьми Запада. Анна Комнина крайне неприязненно отзывалась о крестоносцах, называя их коварными и безбожными.

Было бы ошибочным оценивать изменение отношения церкви к войне как случайное и зависящее от воли отдельных личностей. Истоки этой трансформации лежат глубже. Христианская идеология могла иметь влияние на феодальную знать, если учитывала ее интересы и обычаи, то есть, говорила на их языке. Параллельно с формированием представления о «Священной войне» в других областях также происходило формирование новых элементов христианской идеологии, которые военизировали христианство и сблизили его с феодальным классом. Палитра этих элементов достаточно широка.

Пропаганда крестовых походов с самого начала связывала понятие «Священной войны» с представлением о христианской любви. Крестовый поход считался делом любви к Богу и ближнему, которую настоящий христианин сможет доказать, если отправится на Восток на помощь притесняемым «язычниками» братьям и вернет Христу Святую землю. Особый упор делался на чувстве долга: Христос был распят, чтобы спасти мир, и теперь нужно вырвать его собственность, Святую землю, из рук дьявола. Хотя Господь в своем всемогуществе и сам мог это сделать, крестовый поход был необходим в качестве испытания веры христиан. *Учение о воздаянии*, которое нужно заслужить, занимает центральное место в призыве к походу на Иерусалим. За «доброе дело», которое могло выражаться и в денежной сум-

ме, средневековый христианин мог получить отпущение грехов и вечное блаженство. Вполне понятно, что члены средневекового общества, ориентированного на потустороннее, постоянно ищут возможности подобного испытания перед Богом. А для воинственного рыцарства тем более желанным было поставить на службу Господу свое привычное занятие. Для благородного сословия война была предпочтительнее земельных дарений и пожертвований в пользу церкви. Таким образом, «доброе дело» крестового похода обязывает Господа, который желает считать себя должником, заплатить причитающееся, а именно отпущение грехов и вечную славу. «Кусок ткани стоит немного, – говорится в проповеди Бернара Клервосского, – однако если он благочестиво помещен на плечо, он стоит ...Небесного Царства». Популярность такого средства, как отпущение грехов, привело к тому, что его могли получить уже не только непосредственные участники похода, но и те, кто жертвовал средства на организацию крестового похода. Причем такое явление не было извращением первоначально чистого идеала, а его закономерным следствием, т. к. подобное идеологическое средство стало пользоваться большим успехом. На соборе в Клермоне Урбан II впервые употребляет понятие «полной индульгенции» для участников крестового похода, которая подразумевает отпущение всех грехов, в которых человек исповедуется и раскается.

К учению о воздаянии тесно примыкает институт *мученичества*. Смерть павшего в бою рыцаря, с точки зрения Бернара Клервосского, не менее блаженна, как славна, чем триумф победителя: «Радуйся, если ты живешь и побеждаешь в Господе, но ликуй еще больше..., если ты умираешь и сливаешься с Господом. Жизнь плодоносна и победа полна славы, однако они по праву уступают святой смерти». Обращение к мученичеству имело место еще до крестовых походов. В 1053 г. папа Лев IX лично возглавил поход против норманнов в Южную Италию с целью упрочить власть папства на Апеннинском полуострове. Участникам похода было обещано отпущение грехов. Смерть в решающем сражении признавалась мученичеством. Такая перспектива привлекла к себе большое внимание. Святые мученики Маврикий и Себастьян стали защитниками рыцарей на поле боя. Для европейских рыцарей, и даже в большей степени, чем просто мученики, примером также служили святые, каким-либо образом проявившие себя на военном поприще, такие, как св. Георгий, Мориц и др., а также, конечно, архангел Михаил как символ и глава христианского воинства. Процесс закрепления христианских святых в качестве покровителей воинов – явление, обычное для Византии – в Западной Европе начался (если опустить нем-

ногие исключения) в XI в., а свой расцвет пережил только в XII в. Это было непосредственно связано с возрастанием роли феодалов в ведении войны за веру.

Таким образом, можно утверждать, что представление о благочестивом рыцаре сильно изменилось. Если раньше специализирующийся на войне рыцарь мог доказать свою набожность за рамками своего непосредственного занятия, то теперь он мог это прекрасно сделать с мечом в руке, защищая церковное имущество, мстя за нападение на владения церкви, охраняя пилигримов. Получившие распространение обряды освящения в церквах мечей и знамен закрепили эту тенденцию.

Важное место в работе по привлечению к участию в походе на Восток занимает представление о *небесном и земном Иерусалиме*. В Ветхом и Новом Завете, в трудах отцов церкви Иерусалим занимает центральное положение. Здесь находился Храм царя Соломона, провел детство Иисус Христос, здесь он принял муки, воскрес и вознесся на небо, здесь Святой Дух сошел на первую христианскую общину. Количество святых мест автоматически сделало Иерусалим главным городом для христиан: на географических картах того времени он изображался находящимся в центре мира. Перспектива обрести Священный город должна была лучше всего мотивировать людей на поход на Восток. Земной Иерусалим уже в Библии был наделен небесным блеском; такая тенденция была характерна для представлений средневекового человека. Наибольшее влияние на оформление представления о небесном Городе оказали Откровение Иоанна Богослова, где Иерусалиму был противопоставлен Вавилон, и труд Августина Блаженного «О Граде Божьем».

Однако в массах Небесный Иерусалим находил упрощенное толкование. Зачастую участники Первого крестового похода не делали разницы между земным и небесным Иерусалимом и считали, что грядет Конец Света, а участники похода имеют возможность с освобождением Священного города вступить в новый мир как божьи воины. Мусульманский противник, от которого следовало освободить Святую землю, был для крестоносцев порождением Вавилона, города дьявола.

После Первого крестового похода также имели место эсхатологические представления, связанные с Иерусалимом. Так, германский император Фридрих II, отправляясь в 1228 г. в крестовый поход, опирался на популярное мнение, что он является императором Конца Света и должен взять Священный город, к этому времени вновь потерянный. Надо заметить, что это ему удалось: путем переговоров он добился передачи христианам Иерусалима.

Большой вклад в подготовку общества к крестовому походу внесла традиция *паломничества* в святые места, которая приобрела популярность еще на заре христианства. Молитвам в тех местах или заступничеству чтимых там святых приписывалась особенная сила. К тому же поездка к святым местам часто назначалась церковью в качестве искупления грехов. Церковь умело использовала институт паломничества в борьбе со своими светскими соперниками, которые не были согласны с претензией папы на верховную власть и в мирских делах. Так, например, чтобы искупить свои проступки, в Палестину направился Роберт Нормандский. Во второй половине XI в. клюнийцами стало активно пропагандироваться паломничество в Сантьяго-де-Компостелу в Испании к найденным здесь в IX в. останкам апостола Иакова. В результате саркофаг Иакова стал крупнейшим местом паломничества христиан после Иерусалима и Рима. Тем самым паломничество удачно соединялось с участием рыцарей в Реконкисте. Участники крестовых походов в источниках того времени назывались пилигримами, и сами крестоносцы чувствовали себя паломниками.

Иерусалим, хотя и находившийся в руках мусульман, привлекал множество паломников. После потери малоазийских провинций опасность путешествия возросла, но не по религиозным причинам, а больше из-за разбойничьих банд, наводнивших Малую Азию. Накануне Первого Крестового похода Святая земля была практически закрыта для пилигримов-христиан, что явилось одной из главных причин Похода, который был не только завоевательным предприятием, а также был направлен на возвращение отнятых прав и имущества христианских церквей на Востоке.

Возрастание потока пилигримов в течение XI в. должно было вызвать у христиан желание владеть святыми местами, не рассчитывая на снисхождение неверных. Однако только безоружными паломничествами достичь этого было невозможно. Необходимо было *связать паломничество в Иерусалим с идеей «Священной войны»*. Объединение обеих этих идей и было осуществлено реформистским папством. Успешный ход Реконкисты заставил Григория VII всерьез задуматься о распространении «Священной войны» на Восток. Однако явным объединение стало только после 1089 г., когда Урбан II издал постановление о восстановлении архиепископства Таррагоны в Каталонии. Папа потребовал от христиан Каталонии приложить все силы к тому, чтобы отвоевать у мусульман и удерживать территорию епископства. Он обещал им отпущение грехов, как если бы они совершили паломничество, и призвал воздержаться от

поездки на Восток в пользу Таррагоны. Поскольку речь здесь идет о войне против мавров, тем самым церковью уравнивались «Священная война» и паломничество. С началом Первого крестового похода Урбан II запретил каталонцам участвовать в нем, т. к. их оружие было необходимо для дела Реконкисты. Призыв 1095 г. показал, что поход на Восток и обеспечение безопасности Таррагоны с точки зрения папства являлись одинаково богоугодными делами.

В рамках крестоносного движения в качестве главного компонента произвольно выделяется *религиозное противостояние*. Однако оно не является настолько характерным для средневекового общества, как кажется на первый взгляд. Вообще представление западноевропейского человека об исламе и мире Востока накануне крестовых походов было довольно смутным и неточным. О Мухаммеде и его религии известно было очень мало для того, чтобы осознавать принципиальное различие. В вооруженных конфликтах в Испании и Италии представление о религиозной войне не играло существенной роли, хотя различие в вере, несомненно, осознавалось. Но принадлежность в вере не была жестко определяющим фактором в том, на чьей стороне сражаться. Поэтому идея войны как религиозной миссии оформилась в решающую силу совсем незадолго до крестовых походов. Испанские феодалы имели в мирное время хорошие отношения с Кордовским халифатом, а во время боевых действий после распада халифата не были редкостью союзы, которые мусульманские правители заключали с христианскими рыцарями в борьбе со своими соперниками-мусульманами. Легендарный испанский герой Реконкисты Рой Диас де Бивар, известный как Сид-воитель, также служил как у христианских, так и мусульманских феодалов, а в состав его дружины входили воины-мусульмане. Вообще для Пиренейского полуострова была достаточно характерна религиозная терпимость, т. к. население как под властью христиан, так и под властью халифата оставалось смешанным в отношении вероисповедания.

Военные конфликты с исламским миром имели место и до эпохи крестовых походов. С начала XI в. обозначилась относительно непрерывная череда столкновений с мусульманскими государствами в Средиземноморье, явившаяся своеобразной подготовкой к грандиозному крестоносному движению. Центральное место в этих конфликтах занимает Реконкиста. Христианские государства Пиренейского полуострова еще с IX в. вели постоянные бои с мусульманами и в особенности с середины XI в., после распада Кордовского халифата, сумели добиться значительных успехов, заметно потеснив мусульман. Характерно, что

помимо местных феодалов в Реконкисте принимали участие и рыцари из Фландрии и Франции, а также норманны, известные своей жадной приключений и не пропускавшие ни одного военного конфликта.

Что касается Италии, то она являет собой более сложную картину, т. к. в этом месте переплетались интересы различных сторон: Рим, Византия, до 1071 г. контролировавшая здесь некоторые территории, мусульманское население Сицилии и юга Италии, молодое норманнское государство в Италии, торговые республики Венеция и Генуя. Представители различных национальностей и конфессий уживались здесь вполне мирно.

Однако при содействии католической церкви развитие получила идея «Священной войны», которая привела к идее крестового похода. В конце XI в. множатся художественные произведения, которые пытаются придать борьбе с иноверцами христианско-воинственный оттенок. В окончательной редакции французской песни о Роланде, записанной около 1100 г., борьба против мавров при Карле Великом характеризуется как праведная война, в которой мусульмане должны быть побеждены, потому что они неправильно веруют. Карлу Великому в художественной литературе Господь оказывает непосредственную помощь через своих архангелов. С началом крестовых походов эта тенденция в литературе получила дальнейшее подкрепление.

Военные теории с религиозной окраской имели также место и в Византийской империи, и в мусульманском мире. Однако там они имели иные формы, нежели в западно-христианском воззрении, потому что исходные их общественные и идеологические позиции сильно разнились с европейскими. Имели место и некоторые общие черты, однако неясно, представляются ли они результатом межкультурного влияния или сформировались в ходе параллельного развития идеологии.

Византийская империя в условиях постоянной внешней опасности вела свои войны, уделяя повышенное внимание пропаганде, источниками для которой были миф о Константине, а также персонажи Ветхого Завета. В авторитетнейшем для военных теоретиков трактате императора Льва VI о войне ромеев говорится как о «войне за Бога и его любовь» и «за всех братьев по вере». Популярными у крестоносцев солдатские святые для византийцев тоже были образцами и помощниками. Большую роль играли военные обеты, песни и проповеди. Несмотря на общие черты, идеологическая основа войны в латинской Европе и в Византии была различной: на Западе войны велись под руководством церкви, а в Византии главенствовал император. Положение восточной церкви по отношению к центральной власти в силу исторического

развития было слишком слабым для возникновения амбиций, свойственных римско-католической церкви. «Война во имя Господа» была войной не церкви, а империи, а ее целью – возвращение потерянных провинций, к числу которых, без особого ее выделения, принадлежала и Святая Земля. Поэтому организованная восточными патриархами антиисламская война не могла иметь место, и в Византии не могла возникнуть идеология крестовых походов по западному образцу.

Что касается существовавших на момент начала крестовых походов мусульманских государств, образовавшихся в результате распада Арабского халифата, то там тоже имелась идея «Священной войны» – джихада. Появление лозунга джихада связывается с боевой молитвой Мухаммеда в Коране. Она была направлена против враждебной Мекки, то есть, по сути, против отдельных мусульман. Учение джихада первоначально было, в отличие от идеи крестового похода, дофеодальной идеологией, затем стало использоваться халифами для оправдания арабской экспансии. К тому же слияние церкви и государства в лице халифа усиливало видимость религиозной войны. С распадом халифата джихад почти исчез из политической практики государств-наследников как ненужный в войне отдельных мусульманских феодалов. Конечно, религиозная оболочка играла большую роль; идея джихада продолжала жить, прежде всего, в добровольческих корпусах, которые сопровождали наемные и вассальные отряды. В этих «воинах веры», а не в массе исламской армии можно видеть параллель с рыцарями-крестоносцами. Также и в отдельных чертах между мусульманской и христианской «Священной войной» имеется нечто общее, например, идеи мученичества и воздаяния. И христианам, и мусульманам на поле боя помогал Бог, посылая своих ангелов. С появлением египетско-сирийского государства Саладина религиозная конфронтация проявилась отчетливее. Но даже и в этих условиях мусульмане не рассматривали войну с христианами как вселенскую борьбу Христа и Мухаммеда. Под влиянием пропаганды из Рима исламская сторона стала придавать Иерусалиму большее религиозное значение. Священный Город христиан и иудеев все больше становился таковым и для последователей Мухаммеда, который в Иерусалиме вознесся на небо.

Не следует забывать о том, что крестовые походы явили на свет такое явление, как духовно-рыцарские ордена, члены которых, принимая монашеский сан, между тем несли преимущественно военную службу. В этих орденах дольше всего жили идеология и цели экспансионистского движения. Могущество орденов, как в военно-политическом, так и в экономическом отно-

шении, постоянно росло, в результате чего они стали главной опорой христиан на Ближнем Востоке. Благожелательное отношение со стороны папства обеспечило им особое положение в церковной структуре, ордена владели многочисленными земельными владениями во многих странах и разветвленной организацией, что обеспечило им большое влияние даже тогда, когда палестинские и сирийские владения были утрачены.

Рыцарские ордена не сразу появились в той форме, в которой они нам известны, а прошли эволюционный путь от скромных монашеских братств до могущественных политических и экономических организаций. Появление духовно-рыцарских орденов также явилось результатом военизации христианства. Благодаря расширению понятия благочестия рыцаря, о чем говорилось выше, стало возможным доказать свою веру силой оружия. Война в интересах церкви стала считаться богоугодным делом. Неслучайно главной обязанностью орденов считалась забота о пилигримах в Святой Земле, в том числе и их защита от нападений мусульман.

Эволюцию духовно-рыцарских орденов можно сопоставить с развитием представления о «*militia Christi*». Первоначально под этим понимались христиане, которые должны были мирными средствами заботиться об интересах церкви в обществе. Словосочетание «войско Христово» применялось прежде всего по отношению к духовенству. Однако со временем с ним связывалось представление о вооруженном борце, действующем в интересах церкви.

Среди духовно-рыцарских орденов следует, прежде всего, отметить три самых значительных. Это иоанниты, или госпитальеры (впоследствии Мальтийский орден), тамплиеры и Тевтонский, т. е. немецкий, орден. С течением времени из духовных организаций ордена превратились в эпоху позднего средневековья в светские сообщества, которые были связаны уже не с церковью, а с укрепившими свое положение князьями и королями.

На возникновение идеологии крестовых походов оказали влияние различные факторы. Однако все явления подчинены четко прослеживаемой тенденции феодализации, или военизации христианской религии. После падения Западной Римской империи в некоторых районах христианская церковь взяла на себя политические функции, поскольку, в отличие от римского бюрократического аппарата, сохранила свою структуру и свой авторитет. Оказавшись перед необходимостью вести боевые действия, духовенство было вынуждено пересмотреть свои взгляды на войну. Постепенно война стала не только позволенной, но даже, если велась в интересах христианской религии

и церкви, стала считаться богоугодным делом, дающим пропуск в рай. Это сделало возможным появление в эпоху крестовых походов духовно-рыцарских орденов. Прелюдией к крестовым походам явилась политика реформаторского папства, направленная на усиление власти римской церкви, с ее движением за «Божий мир» и привлечением рыцарей к участию в Реконкисте, которая стала рассматриваться как миссия в защиту христианской веры. В этом деле весьма плодотворным оказалось объединение идей паломничества и «Священной войны», а затем и уравнивание их роли для спасения души. Умелая политика Урбана II позволила создать ситуацию, наиболее благоприятную для грандиозного вооруженного паломничества на Восток. Со временем политические претензии Рима все больше дают о себе знать. Особенно резко они проявились в Четвертом крестовом походе, когда крестоносцами был захвачен и разграблен Константинополь, и в крестовом походе против альбигойцев, в результате весь Прованс был опустошен северофранцузскими рыцарями. То же самое можно сказать и про духовно-рыцарские ордена, превратившиеся из братств, обязанных заботиться о паломниках, в могущественные политические и экономические организации, имевшие обширные земельные владения.